

УДК 101.8:316.722(4+5)+101.1:316.42

Культурно-исторический опыт евразийства в контексте современных цивилизационных процессов

Ю. С. Пальчевская, аспирант*

Статья посвящена анализу основных концептуальных положений классического евразийства, их роли и значения в развитии современной социально-философской мысли. В ней предлагается критическое осмысление предложенной представителями данного направления модели евразийской цивилизации в контексте современных дискуссий о возможных векторах цивилизационного развития постсоветских государств.

Cultural and historical experience of Eurasianism in context of modern civilization processes

Y. S. Palchevskaya, Postgraduate Student

This article analyzes the main conceptual principles of classical Eurasianism, its role and importance in the development of modern social and philosophical thought. It proposes critical reflection of its model of the Eurasian civilization in the context of contemporary debates about the possible vectors of civilizational development of post-Soviet states.

В научных и социально-философских дискуссиях последнего времени внимание исследователей все чаще сосредоточивается на весьма непростой и актуальной проблеме культурно-цивилизационных и геополитических взаимодействий развитых стран Запада и модернизирующихся обществ остальной части глобальной ойкумены. Особенности современного этапа глобализации во многом ответственны за остроту тех проблем, которые встают сегодня перед государствами, осуществляющими стратегический выбор будущего цивилизационного развития. Беларусь также является одним из таких государств, судьба которого в непрерывно меняющемся мире зависит, в числе прочих факторов, от того, какой цивилизационный и геополитический выбор будет сделан народом и социально-политическими элитами современного белорусского общества. В этом контексте представляет безусловный интерес духовно-исторический опыт евразийского движения, которое сформировалось в 20-е гг. XX в. Ситуация того времени была во многом схожей с ситуацией современной Беларуси по характеру культурно-цивилизационных проблем, решать которые предстояло пред- и постреволюционной России первых десятилетий прошлого века. Классическое евразийство стало рефлексией над мировыми и локальными социально-политическими переменами. И сегодня, в начале XXI в., неоевразийское мышление может рассматриваться как реакция на вызовы глобализации и необходимость

осмысления направленности интеграционных процессов, осуществляющихся на разных уровнях постсоветского пространства.

По этой причине, чтобы лучше понять всю важность и значение феномена евразийства, необходимо обратиться к анализу концептуальных оснований евразийского мышления. Знание сильных сторон и богатого культурно-исторического наследия евразийства будет способствовать более глубокому пониманию современных цивилизационных процессов, а критическое осмысление негативных моментов их идеологии, и прежде всего «соблазнов» евразийства, сможет помочь избежать ошибок в интерпретации места и роли восточнославянских социумов в современном мире, специфики их отношения к западной культуре и цивилизации.

Целью предлагаемой вниманию читателей статьи является анализ тех противоречий, которые были заложены в цивилизационной концепции евразийства уже в самом начале его формирования, и выявление связи этих концептуальных противоречий с неоднозначным культурно-цивилизационным положением восточнославянских народов в новейшей истории.

Возникновение и развитие классической доктрины евразийства относится к 20-м гг. XX в. Евразийское движение не было однородным ни в его идеологических построениях, ни по социальному составу его представителей. Причины этой неоднородности следует искать прежде всего в социокультурных предпосылках возникновения евразийства. Многие его оппоненты и критики утверждали, что оно возникло спонтанно, под влиянием катастро-

* Научный руководитель — доцент, канд. филос. наук В. В. Анохина.

фической послереволюционной ситуации. Это верно лишь отчасти, так как возникновение этого течения было обусловлено рядом социокультурных факторов. Во-первых, евразийство возникло как своеобразное продолжение традиций славянофильства, интерпретация идей панславизма, византизма, русского политического консерватизма. Во-вторых, евразийство стало реакцией на неоднозначность революционных событий 1917 г. Оно представляло собой попытку систематической критики и преодоления социально-политических издержек и идеологических крайностей как либералов, так и социалистов (в лице большевиков). В-третьих, классическое евразийство можно считать своеобразной формой обличения того общественно-исторического процесса, который привел Российскую империю к социальному распаду и политическому краху. И наконец, евразийство было барометром политической ситуации в СССР.

В контексте поставленной задачи особый интерес представляет одно из наиболее детально разработанных евразийцами направлений философско-исторической мысли — критика европоцентризма. Продолжая развивать обозначенную славянофилами тему культурно-исторической дихотомии «Восток — Запад», классики евразийства (Н. С. Трубецкой, П. П. Сувчинский, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, Л. П. Карсавин, Н. Н. Алексеев и В. В. Ильин) придали ей новое звучание. В их философско-исторической концепции Запад предстал как носитель технократической цивилизации, а Восток — как символ духовной целостности и простоты патриархальной культуры. Следует отметить решительную настроенность евразийцев на освобождение России от «засилья» западной культуры, на создание самобытной российской цивилизации — обособленного географического и культурного мира, особой социокультурной целостности, названной впоследствии средним, третьим материком, находящимся между Востоком и Западом. Но евразийская критика Запада оказалась слишком жесткой. Борьбой против европейского, межкультурного и общечеловеческого единства евразийцы существенно осложнили для самих себя философско-историческое, культурно-аксиологическое доказательство своего первоначального тезиса, согласно которому Россия представляет собой «особый мир». Она — не Европа и не Азия, Россия — это Евразия, и ее развитие есть результат специфического историко-культурного синтеза, породившего «серединную», то есть именно евразийскую, цивилизацию. Критик евразийства А. Кизеветтер по этому поводу пишет: «Итак, кажется, совершенно ясно, что ев-

разийцы лишь для некоторой стилистической инкрустации упоминают вскользь о сочетании европейских и азиатских начал. Их подлинное устремление направлено на иное: на борьбу с европеизмом» [1, с. 226]. «Отношение евразийцев к Западной Европе, — отмечал Н. А. Бердяев, — превратно и ложно, и подобное отношение заслуживает наименования азиатства, а не евразийства» [2, с. 141]. Это и есть первый просчет евразийцев: как нельзя отгородиться от мира стеной, так невозможно отмежеваться от других культур и цивилизаций, следует просто признавать и принимать их достижения, не теряя при этом своей собственной уникальной культурной традиции.

Значимым вкладом евразийства в развитие цивилизационных концепций исторического процесса в начале XX в. была разработка проблемы факторов цивилизационной динамики. Особое значение в их историософских построениях имел вопрос о соотношении социально-исторических, этнокультурных и природно-географических факторов развития народов и цивилизаций. Если говорить о евразийском понимании пространства, то следует отметить некоторые особенности его интерпретации в научных исследованиях этих мыслителей. Стремление выработать рациональную модель взаимодействия природы, культуры и общества, описать влияние исторических и пространственно-географических факторов на динамику культуры и развитие этноса побудило П. Н. Савицкого — известного географа и одного из знаковых представителей евразийства — разработать проект новой науки. Он назвал ее геософией и считал, что данная наука необходима как «смычка географии с историософией». Суть ее предмета заключается в том, чтобы осуществить «наложение на сетку географических признаков сеток признаков исторических» [3, с. 288]. Тем самым утверждались единство, прониновение и взаимозависимость географического и социокультурного пространств.

Анализируя геософию евразийства, можно выделить следующие ее концептуальные особенности. Прежде всего это отрицание культурно-исторической преемственности наследия Киевской и Московской Руси. Также оценка «монголо-татарского ига» как явления, оказавшегося позитивным для развития русской культуры, несмотря на разрушительный характер монголо-татарских набегов на Русь. Более того, представители евразийства характеризовали российскую государственность как синтез монголо-татарской и русско-византийской культурных составляющих, где монгольский фактор оказался определяющим в становлении и развитии социально-политической организации и государственных институтов, а ви-

зантийский — в формировании государственной идеологии. Таким образом, Россия представляла как страна — наследница различных, во многом противоположных культурных традиций, изначально возникших в других культурных регионах, как центр новой цивилизации, обеспечивающей преемственность этих традиций во времени после гибели государств, их породивших.

Эти положения легли в основу разработки ключевой для евразийства идеи евроазиатского социокультурного синтеза, которая получила свое концептуальное оформление в знаковой категории цивилизационной доктрины — «евразийская цивилизация». Обращаясь к пространственно-географическим особенностям становления России как особой культурно-цивилизационной целостности, акцентируя внимание на роли восточных, тюрко-азиатских влияний в оформлении ее культурной традиции и социально-политической организации, евразийцы неизбежно затронули болевую точку российской истории и культуры, свидетельствующую о внутреннем разломе, противоречии, заложенном в основании российского цивилизационного мира. Непростая констелляция восточных и западных векторов этнокультурного и религиозного влияний, сложная взвесь славизма, византизма и азиатского начала в социокультурном пространстве России во многом определили драматизм и даже трагичность ее истории. Обоснование концепции евразийской цивилизации потребовало решения вопроса о возможности и перспективах гармонизации в духовно-историческом наследии России ее столь разнородных истоков.

Поскольку, по убеждению евразийцев, исторической миссией России является духовный синтез Востока и Запада и формирование «новой русской культуры», то особая роль в этом процессе отводилась Православной Церкви, которая оставалась единственным уголком русской жизни, сохранившим самобытность и устоявшим перед натиском романо-германского мира. Религиозные представления евразийцев носили не абстрактный характер, а были тесно связаны с учением о «симфонической личности». Данное учение является продолжением системы русской философии всеединства. Так, Православие понималось евразийцами прежде всего как «симфоническая» форма религиозности. Своего совершенства, по убеждению идеологов евразийства, «симфоническая личность» может достичь лишь в Церкви. «Православная русская Церковь эмпирически и есть русская культура, становящаяся Церковью. Этой целью и вытекающими из нее задачами определяется существо русской культуры. Русская церковь, уже

существующая как средоточие русской культуры, есть цель всей этой культуры» [4, с. 27].

Православие стремится к всеединству, а это служит основанием синтеза различных идеологических течений, которые идейно близки к нему, и даже тех, которые непосредственно не входят в его лоно. Таким образом, евразийцы считали, что Православие, соборно единое всех верующих в единый симфонический организм, является средоточием не только русской, но и всей евразийской культуры. А поскольку православное вероисповедание является подлинно вселенской религией и единственно верным истолкованием христианства, следовательно, весь мир призван стать православным. Евразийцы систематически подчеркивали наличие притяжения в «потенциальном православном мире» к русской православной культуре [4, с. 19]. В этом стремлении объединить «потенциально православный мир» со своими, устоявшимися верованиями и ценностями в лоне православной культуры также усматривается промах евразийцев. К тому же евразийцы пытались строить на основе Православия политическую концепцию тоталитарно-теократического (идеократического) государства. Следует отметить и то, что евразийцам не удалось вполне реализовать свой замысел по выявлению гармонизирующих начал российских культурного и социального миров. Ограниченность стратегии натурализма здесь проявилась в том, что пространственно-географическая акцентуация идеи синтеза предопределила своеобразный механизм в понимании внутренних связей социальной жизни. Как следствие, подлинные механизмы социальной интеграции и гармонизирующие силы культуры остались вне поля зрения евразийских культурфилософов. Ни в ценностно-смысловом измерении российской духовности, ни в идейном наследии Православия, ни в коммуникативном аспекте социокультурных взаимодействий российских народов они не стали искать основания возможного цивилизационного единства Евразии.

Связующие начала евразийской цивилизации они истолковали в духе социального атомизма и механистического натурализма раннего Просвещения. Они увидели их во внешней по отношению к личности и культуре политической машине тоталитарного государства. В результате органического синтеза не получилось. В своей концепции идеократического государства евразийцы обозначили, что государство именно такого типа призвано объединить все сферы нецерковного евразийского мира, стать Церковью, градом Божиим на земле. Евразийское мировоззрение и должно было стать национальной идеей грядущей России, ее «идеей-

правительницей». А этой «идее-правительнице» должны быть подчинены остальные аспекты политики, экономики, общественного устройства, промышленного развития и т. д. В таком государстве важнейшую роль должна играть идеология. Прав был Н. А. Бердяев, констатируя: «Учение о симфонической личности глубоко противоположно персонализму и означает метафизическое обоснование рабства человека» [5]. Умаление личности человеческой за счет «личностей» коллективных оказалось не безобидным и у евразийцев.

Таким образом, поставив вопрос об историческом и этнокультурном своеобразии России, евразийцы полностью лишили ее подлинного историко-культурного своеобразия. В своих духовных исканиях они не смогли освободиться от мифотворчества в сознании русской интеллигенции: их сил хватило на то, чтобы отказаться от иллюзии «русского Запада», но взамен они строили миф «русского Востока». Исход к Востоку оказался исходом к новой утопии. Концепция идеократии, основанная на православном христианстве, находилась в противоречии с идеей евразийской народной общности, которую должны были образовывать православные христиане, мусульмане и буддисты. Чтобы избежать этой дилеммы, евразийцы говорили о некой якобы бессознательной склонности мусульман и буддистов к православному христианству. Противоречие, присутствовавшее в программных представлениях многих евразийцев, заключалось также в том, что они отводили русским руководящую роль в евразийском сообществе народов. Не в последнюю очередь из-за этого, по словам критика Ш. Видеркера, «тексты евразийского программного проекта были для нерусских национальностей бывшей российской империи неприемлемы, так как они слишком откровенно были направлены на сохранение имперского государства, и возникало подозрение, что с этой целью они и были задуманы» [6, с. 169]. Тем не менее, некоторые евразийцы четко осознавали это противоречие. К примеру, Н. С. Трубецкой писал, что растущее национальное сознание нерусских народов делает непрочным монопольное положение русских в российской империи. В этой связи Трубецкой критиковал русских шовинистов, которые из-за своей неготовности идти на компромисс с другими народами России ставили на карту территориальную целостность государства. Но несмотря на все призывы Трубецкого, большинство евразийцев и далее рассматривали евразийскую программу как, по сути, российский имперский проект. Тем самым этот проект не нашел достаточной поддержки среди представителей нерусских народов бывшей российской империи.

Очевидно, что духовный конфликт между евразийским пониманием симфонической личности и толкованием идеократии, с одной стороны, и православием — с другой, есть в своей основе конфликт цивилизационный, указывающий на утопичность попыток выстроить культурно-религиозное, духовное единство России посредством растворения азиатских народов и культур в православии.

Таким образом, феномен классического евразийства являет собой сложный, во многом противоречивый, часто критикуемый, но уникальный феномен в истории общественной и социально-философской мысли XX в. и исторической динамики российской цивилизации. А для рассмотрения положения и сферы влияния сегодняшней России необходима опора на опыт классического евразийства, который может помочь более детально проанализировать происходящие в российской действительности процессы и избежать при этом существенных ошибок.

Приближаясь к современным процессам в рамках рассматриваемой проблематики, необходимо начать со времени распада СССР и возникновения на постсоветском пространстве суверенных государств. Эти процессы сопровождались желанием обретения национального самоопределения, самостоятельного государственно-политического и международного статуса. Эти события вызвали стремительный рост интереса к национальной культуре, образованию, языку, религии, привели к осознанию собственной национально-этнической идентичности. В то же время усилились и неблагоприятные явления. Формирование Содружества Независимых Государств воспринималось как политическая форма бывших союзных республик. Но жизнь внесла свои коррективы, о чем свидетельствовал кризис 90-х гг. XX в. В этой ситуации возникла необходимость обратиться к единому центру — России-Евразии и евразийским ценностям. Евразийство в данном контексте понимается как процесс постоянного поиска и нахождения новых интеграционных механизмов на постсоветском пространстве, как содружество народов и государств, основанное на взаимной выгоде и прагматическом интересе.

Но на сегодняшний день встает проблема цивилизационного самоопределения постсоветских стран в ситуации их непростых взаимоотношений с современной Россией, так как перспективы формирования государства — цивилизации на постсоветском пространстве связываемы только с Россией. Все остальные страны СНГ — это цивилизационный буфер. Их самоидентификация — это по

существованию вопрос, периферией какой цивилизации они могут стать.

Характерно, что в последние годы отношения России со странами православного цивилизационного ареала — Грузией, Украиной, Молдавией и даже Беларусью несколько осложнились. В итоге интеграция с этими странами даже на основе православной культурно-религиозной общности стала весьма проблематичной. Вместе с тем проблема цивилизационного выбора для этих стран, так же как и проблема выбора будущего пути развития самой России, по-прежнему сопряжена с традиционным для российской истории раскладом «Восток — Запад». И драматизм выбора заключается в непростых отношениях русского православия с латинским западным христианством, что подтверждает концепцию С. Хантингтона о преимущественно религиозной основе современных цивилизационных конфликтов.

Поэтому обращение к анализу феномена евразийства как специфического духовного и политико-идеологического опыта в русской культуре прошлого века, в котором отразились внутренние противоречия российской духовности, ее двойственные культурно-цивилизационные истоки, возможно, поможет осмыслить современные тенденции общественного развития на пространстве СНГ. С одной стороны — склонность к духовному и политическому тоталитаризму и растворению личности в социальной тотальности коллектива, а с другой — русское православие, которое своими истоками уходит в Византию и греческое христианство и во многом иначе рассматривает проблему личности, личной свободы и духовного самоопределения человека.

На сегодняшний день можно говорить уже о современном евразийском мышлении, или о неоевразийстве, как ренессансе евразийства в период заката и распада советской империи. В российском обществе не существует единой точки зрения относительно путей последующего развития России. Одни считают, что Россия — это «недоразвитая западная страна». Другие говорят о самоидентификации России как самобытной цивилизации, и в данном контексте любое движение на Запад признается опасным. Западная цивилизация для них, как и для классических евразийцев, — главный враг. Задача сегодняшних евразийцев — превратить русскую самобытность в универсальную

модель культуры, в некое альтернативное атлантизму и западному глобализму, но тоже глобальное мировоззрение. Современное евразийское мышление создало так называемый архетип российского и русского человека, которому присущи такие черты, как отсутствие границ и ориентация на бесконечное пространство. И, естественно, решающая роль во всех преобразованиях постсоветского пространства отводится России. Здесь и появляется опасность того, что неоевразийство может повторить судьбу классического евразийства с его радикальными представлениями о всепоглощающем влиянии России на исторический выбор других славянских и православных народов. В этом контексте перед неоевразийцами возникает угроза поддаться так называемому «соблазну» евразийства.

С точки зрения автора данной статьи, подобной опасности можно избежать посредством опровержения и неприятия любых тоталитаризирующих дискурсов в контексте проблемы цивилизационного выбора и культурно-исторического самоопределения народов. Сегодня следует помнить о необходимости диалога, в основание которого должны быть положены принципы взаимодополнительности и события уникальных, самоценных и принципиально не сводимых друг к другу народов, стран, личностей и культур.

Список цитируемых источников

1. Кизеветтер, А. А. Евразийство / А. А. Кизеветтер // Между Европой и Азией: Евразийский соблазн. — М., 1993. — С. 226–277.
2. Бердяев, Н. А. Утопический этатизм Евразийцев: «Евразийство. Опыт систематического изложения» / Н. А. Бердяев // Путь. — 1927. — № 8. — С. 141–144.
3. Савицкий, П. Н. Географический обзор России-Евразии / П. Н. Савицкий // Континент Евразия. — М., 1997.
4. Евразийство: Опыт систематического изложения. — Париж, 1926.
5. Бердяев, Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии / Н. А. Бердяев. — Париж, 1972. — [Электронный ресурс]. — 2001. — Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyayev/rabstvo/index.html>. — Дата доступа: 3.01.2011.
6. Видеркер, Ш. Евразийское движение. Наука и политика в российской эмиграции межвоенного времени и в постсоветской России / Ш. Виндекер. — Köln; Weimar; Wien, 2007.

Дата поступления в редакцию: 15.02.2011 г.